

RU

Семантические модели и мотивы акционального кода удмуртского лечебного ритуала

Панина Т. И.

Аннотация. Цель статьи - проанализировать акциональный код удмуртского заговорно-заклинательного обряда, рассматриваемого как культурный текст. Научная новизна работы заключается в том, что ритуальные действия лечебного обряда классифицируются в группы в соответствии с релевантным способом достижения цели и с учетом семантики его акционального составляющего. В основе предложенной классификации лежит система, разработанная Е. Е. Левкиевской для исследования славянского оберега. В результате проведенного анализа выявлены основные семантические модели, воплощениями которых являются элементарные семантические единицы - мотивы. Рассматриваемые семантические модели условно подразделены на три группы: первая группа объединяет ритуальные действия, основная цель которых - установление контакта; вторая - действия, подразумевающие воздействие на источник болезни; третья - придание больному тех свойств, которые способны сделать его неуязвимым перед болезнью. Анализ фольклорно-этнографического материала выявил, что наибольшее распространение получили мотивы семантических моделей второй группы, что обусловлено тем, что в основе большинства удмуртских лечебных ритуалов заговаривания болезни лежит концепт борьбы двух противоположных сил.

EN

Semantic Models and Motifs of the Actional Code of the Udmurt Healing Ritual

Panina T. I.

Abstract. The purpose of the paper is to analyse the actional code of the Udmurt healing rite, considered as a cultural text. Scientific novelty of the work lies in the fact that the ritual actions of the healing rite are classified into groups according to the relevant method of achieving the goal and taking into account the semantics of its actional component. The proposed classification is based on the system developed by E. E. Levkiyevskaya for the study of the Slavic protective amulet. As a result of the analysis, the author has identified the main semantic models, which are manifested in the elementary semantic units - motifs. The considered semantic models are notionally divided into three groups: the first group combines ritual actions the main purpose of which is to establish contact, the second one encompasses actions intended to have impact on the source of the disease; the third one contains actions aimed at giving a patient properties that can make him/her invulnerable to the disease. The analysis of folklore and ethnographic material revealed that motifs of the semantic models belonging to the second group were the most widespread ones, which is accounted for by the fact that the concept of the fight between two opposing forces underlies most Udmurt healing rituals that involve performing an incantation against the disease.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения кинетического кода удмуртского лечебного обряда, т.к. движение является одним из важнейших и наиболее значимых компонентов ритуала. Теоретической базой исследования послужили работы представителей Московской этнолингвистической школы (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Е. Е. Левкиевская) и труды ведущих ученых по проблемам семиотических систем в традиционной культуре (В. Н. Топоров, А. К. Байбурун, Т. В. Цивьян). Исследователи отмечают, что акциональная составляющая любого ритуала является его логическим и структурным ядром (Толстая, 1996, с. 89) и по своему происхождению древнее вербальной: словесное сопровождение нередко выступает как средство дублирования, сноски или комментариев, своего рода «просодическая» подсистема, присоединяемая к основной –

«невербальной» – системе (Топоров, 2010, с. 22). Основными источниками исследования послужили архивные материалы из Рукописного фонда Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, фольклорного и фольклорно-диалектологического фондов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, а также полевые материалы автора, собранные в начале XXI века.

Практическая значимость исследования заключается в расширении представлений об удмуртском лечебном обряде. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке научно-исследовательских работ по вопросам традиционной культуры удмуртов и в исследованиях сравнительного характера по дисциплинам, предметом изучения которых является духовная культура народов.

Основная часть

Набор кинетических элементов, входящих в состав удмуртского лечебного ритуала, разнообразен. Для удобства анализа требуется определенная классификация. В зависимости от того, кто выполняет те или иные действия, акциональные составляющие лечебного обряда делят на две основные группы: действия заговаривающего/знахаря и действия заговариваемого/больного (Стадник, 2000, с. 31). В том случае, если больной самостоятельно заговаривает болезнь, кинетика заговаривающего совпадает с кинетикой заговариваемого. Данный принцип классификации позволяет распределить обрядовые действия, но не раскрывает их внутренней сущности. Наиболее подходящей классификацией для анализа акционального кода является система, предложенная Е. Е. Левкиевской (2002), которую она разработала, исследуя семантику оберега. Для удобства классификации, в основе которой лежит релевантный способ достижения цели, исследователь вводит термин «семантическая модель», воплощениями которой являются «семантические мотивы» – «предикатные единицы, содержащие постоянную семантику, устойчиво повторяющиеся в текстах и имеющие закрепленные в традиции формы выражения» (с. 11).

Анализ имеющегося фольклорно-этнографического материала показывает, что ритуальные действия удмуртских лечебных обрядов условно можно разделить на три группы. Первая группа нацелена на установление, достижение контакта; вторая – на разнообразное воздействие на источник болезни; третья – на самого больного: придание ему тех свойств, которые сделают его неуязвимым перед болезнью.

Первая группа обрядовых акций образует семантическую модель «Контакт», которая содержит четыре семантических мотива: **установление контакта, приглашение, задабривание и жертвоприношение**. В рамках данной группы устанавливается связь с болезнью, для того чтобы оказать последующее воздействие на нее или, напротив, посредством контакта избежать дальнейших негативных последствий.

Один из мотивов этой группы – **установление контакта** – напрямую связан с локативным (пространственным) и темпоральным (временным) кодами лечебного обряда. К данному семантическому мотиву относится любое движение по направлению к пограничным местам в переходное или темное время суток. К примеру, заговаривающий и больной подходят к матице, к порогу, к входу в подполье, к окну, приходят друг к другу после захода солнца, в полночь, до рассвета. В этом контексте движение без локативных и темпоральных параметров лишается ритуального статуса, знакового содержания.

Семантический мотив **приглашение** находит воплощение в вербальных формулах лечебного обряда *урт кутон* (букв.: ловля души *урт*). Мотив **задабривания** реализуется в соблюдении определенных правил поведения, например, чтобы умилостивить отдельных духов инфекционных заболеваний и избежать тем самым более серьезных последствий, нельзя шуметь, ругаться, заниматься грязной работой (Панина, 2013; 2016). С этим мотивом тесно связан мотив **жертвоприношения**, предполагающий ритуальное кормление враждебно настроенных духов болезней, умерших предков, духов окружающего пространства, что является своеобразным способом высвобождения больного от влияния последних через умилостивление и заискивание их расположения.

Вторая группа ритуальных действий представлена четырьмя семантическими моделями: «Нейтрализация болезни», «Нанесение болезни ответного удара», «Отгон/изгнание болезни», «Уничтожение болезни». В рамках предложенной классификации эта группа самая обширная, т.к. в основе большинства лечебных заговорно-заклинательных обрядов как на акциональном, так и на вербальном уровне лежит концепт борьбы двух противоположных сил.

Лечебные обряды семантической модели «Нейтрализация болезни» направлены на придание носителю опасности такого состояния и свойств, которые не дают ему возможности проявлять свои опасные качества (Левкиевская, 2002, с. 62). Механизм воздействия заключается в моделировании поведения болезни с помощью магических средств.

В удмуртском материале эта модель представлена мотивом **делать болезнь недееспособной**. Над обожженным местом с помощью особых галек голубого цвета (*лыз кӧлы*) высекали огонь. Иллокутивная цель данного действия выражена на вербальном уровне: «*Та тыл кыдӧке кошкын уг быгаты но, солэн но тыльяраез кыдӧке медам вӧлскы*» (Этот огонь дальше не может перейти, пусть и ожог больного дальше не распространяется) (ПМА, 2009, д. Сеп Игринского района УР, РКЕ) (в статье приняты следующие принципы оформления ссылок на полевые материалы автора: год и место записи, инициалы информанта. В целях защиты персональных данных полное имя и дата рождения информантов не указываются: эта информация хранится в авторском архиве. – Т. П.).

Следующая модель – «Нанесение болезни ответного удара», – как и модель «Нейтрализация болезни», в удмуртских лечебных обрядах не получила широкого распространения. Это объясняется стремлением не только дать отпор болезни или обезвредить ее, но и окончательно избавиться от нее. Главная цель акционального ряда данных семантических моделей – не допустить дальнейшего распространения заболевания, что отражается в мотивах *застилать/закрывать глаза болезни* и *окружить болезнь*. К примеру, первый из них реализуется следующим образом – чтобы снять с глаз с гусят, их сбрызгивают водой, которой утром умылись все члены семьи, со словами: «*Та пож, чылкыт ёвёл, мед вотсалоз, пытсалоз со адямилэсь синвёссэ, кудйз лек учкиз та пичиос шоры*» (Эта грязная (вода), нечистая, пусть затынет пеленой, закроет глаза тех людей, которые со злостью посмотрели на этих маленьких (гусят)) (ПМА, 2005, с. Укан Ярского района УР, МАЯ). Второй мотив встречается в обряде заговаривания лишая: чтобы заболевание не распространилось дальше по телу, пораженное место обводили серебряной монетой (Михеев, 1926, с. 45).

Последующие две модели – «Уничтожение болезни» и «Отгон болезни» – самые кардинальные и самые распространенные способы борьбы с болезнью. Первая объединяет ритуальные действия, символизирующие устранение болезненного состояния человека через ликвидацию болезни, например *куишь лул*. Ключевым мотивом при лечении этого детского заболевания является мотив *затоптать/растоптать/задавить*: знахарь слегка наступает пяткой на грудь и живот малыша (ПМА, 2009, д. Сеп Игринского района УР, РКЕ, ААП) или надавливает старой растоптанной обувью на его грудь (ФДА УдГУ, Сайфутдинова Т. Г. 2000/01, Башкортостан, Кушнаренковский район, д. Канлы, с. 10). Этот мотив фигурирует и в заговорно-заклинательном обряде от сглаза, который завершается выливанием воды, оставшейся после совершения определенных ритуальных действий, или в нижний угол дверного проема, или на дверные петли, после чего дверь захлопывается со словами: «*Синусемзэ татчы пачкати́сько*» (Сглаз здесь придавливаю) (Николаева, 2011, с. 85). При появлении панариция воспаленный палец придавливают ножкой стола (ФДА УдГУ, Куликова А. В. 2000/01, Завьяловский район, д. Большая Венья, с. 14).

Данный мотив созвучен мотиву *раздробить/растереть*. Ячменный колос, на который переносится болезнь, впоследствии трут о стену избы (Михеев, 1926, с. 48); чтобы вылечить ребенка от грыжи, рано утром, до рассвета, идут к осине и раздавливают об нее яйцо, завернутое в грязные пеленки.

Помимо вышеназванных мотивов, в рассматриваемой модели зафиксирован мотив *резать/вырезать*, который преобладает при лечении болезней, обладающих характеристиками растений (опухоль, нарыв, чирей, грыжа): болезненное место обводят кухонным (ПМА, 2009, д. Сеп Игринского района УР, РКЕ) или ветеринарным ножом (ПМА, 2006, д. Сеп Игринского района УР, СВК). В случае испуга проводят сверху вниз в области сердца ножом и точилом (ФДА УдГУ, Максимова Л. С. 1999/2000, Дебесский район, д. Уйвай, с. 31-32).

Следующий мотив этой модели определяется действием *исколоть/заколоть/проткнуть*. Так, для лечения ячменя колющими движениями дотрагивались кончиками ножниц до болезненного места (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, д. 762, тетр. 20, л. 14). Слова заговора шептали на воду с солью или *кумышку* (водку домашнего приготовления) с куском сахара. При этом знахарь попеременно дул, плевал и мешал ее острыми концами ножниц. Перед тем как дать пить наговоренную воду больному, ножницы бросали с силой так, чтобы они воткнулись в пол острыми концами (Ильин, 1926, с. 64). С данным мотивом перекликается мотив *рубить болезнь*.

Перенос свойств, качеств используемого атрибута на болезнь (в большинстве случаев основополагающим признаком является сухость) сконцентрирован в мотиве *высушить*, который звучит в обряде лечения ячменя. Прикасаются высушенным ячменным зернышком к воспаленному глазу (ячменю) (ФДА УдГУ, Корепанова Т. Н. 2003/04, Игринский район, д. Лудошур, с. 6), обводят его угольком (ФДА УдГУ, Лекомцева А. В., 1998/99, Кезский район, пос. Кез, с. 8). Прикоснувшись сухой лучиной к пламени, обводят ею нарыв, фурункул, чирей со словами: «*Кёче ке тас кёс чаг куасьемын, озык та пёськи мед куасьемоз*» (Как эта сухая лучина высохла, так же пусть высохнет чирей) (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, д. 199, л. 240).

Названный ряд мотивов дополняет мотив *сжигать болезнь*, который встречается при лечении разных заболеваний. Например: ячменные зерна, которыми обводят воспаленный глаз, выбрасывают в горящую печь (ФДА УдГУ, Лекомцева А. В. 1998/99, Кезский район, пос. Кез, с. 8); при лечении сглаза берут щепотку соли и три раза обводят ею над головой больного против часовой стрелки, одновременно читая заговор, соль затем бросают в огонь (ФДА УдГУ, Крючкова Н. Я. 1996/97, Кизнерский район, д. Кизнер, с. 12-16); поджигают три спички и поочередно обводят ими вокруг головы «сглаженного» ребенка (ФДА УдГУ, Анфионова Н. А. 1997/98, Алнашский район, д. Писеево, с. 23-24). Нитку, которой обвязывают бородавки, выбрасывают в огонь (ПМА, 2008, д. Сеп Игринского района УР, КГЛ); ребенка, больного *пуныкыль* («собачьей старостью»), сажали в теплую печь, приказывая болезни припечься/сгореть/исчезнуть.

Семантический мотив *потушить/погасить/затушить болезнь* реализуется в лечебных обрядах от ожогов. Тушили горячие угли в воде, затем ею смачивали обожженные места (Михеев, 1926, с. 46-47). Ожог обводят безмянненным пальцем со словами: «*Ин кизили, зор пилем, куке ву пытсйсь пенез сутйды ке, соку мон сётко сутны. Тон – тыл, мон – ву, мон тонэ кысо*» (Небесные звезды, дождевые облака, когда золу со дна моря/реки/озера сожжете, тогда разрешаю сжигать/обжигать. Ты – огонь, я – вода, я тебя погашу) (ФДА УдГУ, Шочева Т. Г. 2000/01, Малопургинский район, д. Малая Бодья, с. 8).

Заключительным мотивом в семантической модели «Уничтожение болезни» является мотив *сгноить болезнь*. Так, чтобы избавиться от бородавок, нитку, на которой по количеству наростов завязывали узелки, бросали в дождевую воду, которая стекает с крыши по желобу, закапывали в навоз, в землю, бросали в подполье или под банный полук.

Семантическая модель «Отгон/изгнание болезни» представлена широким кругом действий, направленных на изгнание заболевания не только из тела больного, но и из «своего» пространства. В зависимости от локуса, времени, способа изгнания в рамках данной модели выделяются следующие мотивы: мотив **отогнать болезнь за пределы «своего» мира, вернуть болезнь ее отправителю, отогнать болезнь на сторонний объект** или **в невозможное будущее, отпугнуть болезнь, отогнать болезнь с помощью плевков, закрещивания/перекрещивания, дыма/окуривания, воды**.

На акциональном уровне мотив **отогнать болезнь за пределы «своего» мира** представлен, к примеру, в календарных обрядах изгнания нечистой силы / недугов рядом действий, выражающих символическое удаление, изгнание заболевания в «иное» пространство. Данный мотив нередко реализуется и в лечебных обрядах: осину, с помощью которой заговаривали вывих у лошадей, уносили около полуночи за пределы деревни. Ячменные зерна, на которые переносится болезнь, выбрасывают за ворота (ФДА УдГУ, Баймурзина С. Д. 1993/94, Малопургинский район, д. Аксакшур, с. 18-20) или бросают через плечо (Кельмаков, 1981, с. 42). Пространство, как известно, в традиционной культуре характеризуется апоцентричностью: человек является исходной точкой отсчета. Выбрасывая зерна за плечо, человек освобождается и от болезни, отправив ее за пределы своего мира.

Мотив **отогнать болезнь за пределы «своего» мира** непосредственно связан с мотивом **вернуть болезнь ее отправителю**. Он находит свое применение чаще всего в обрядах от порчи и сглаза, в которых главная роль отводится воде как проводнику информации. Так, при сглазе сначала обмывают окна со стороны улицы, ручки входной двери и/или ворот, затем, помочив руки этой водой, проводят по груди ребенка (Миннихметова, 2003, с. 60), по голове и животу, после чего выплескивают за дверь (ФДА УдГУ, Набиева В. М. 2000/01, Башкортостан, Калтасинский район, д. Качак, с. 2), чтобы вернуть сглаз его отправителям. Обмывание вышеуказанных объектов также неслучайно. Они, будучи пограничными зонами между «своим» и «чужим» пространством, в первую очередь подвержены негативному влиянию посторонних.

Мотив **отогнать болезнь на сторонний объект** реализуется в следующих действиях: к воспаленному глазу подносили ячменные зерна (Кельмаков, 1981, с. 42); обводили больное место ячменными зернами (ФА УдГУ, ФЭ-1975, Можгинский район, д. Старые Юбери, тетр. 5, л. 18) или колосом (Михеев, 1926, с. 48); сначала дотрагивались пальцем до воспаленного глаза, затем – до сухого сучка (ФДА УдГУ, Наговицына И. А. 2002/03, Белезинский район, с. Люк, с. 22). Бородавки «переносят» на нитку (завязывают на ней узелки, число которых соответствует количеству бородавок). Баранку, через которую протаскивали ребенка, больного «собачьей старостью», продевали на шею собаки, якобы передавая тем самым ей болезнь. Считалось, что если она умрет, то ребенка ожидает выздоровление (ФДА УдГУ, Иванова В. А. 2000/01, Кезский район, д. Лудьяг, с. 15-17).

Самым распространенным мотивом удмуртских лечебных обрядов является мотив **отогнать болезнь в невозможное будущее – в никогда**. Он в основном реализуется в формулах невозможного, которые широко представлены в заговорах. С их помощью болезнь отсылают в отдаленное будущее, которое в принципе никогда не наступит. Обожженное место обводят угольком: *«Куке 3азег т0лзуысь тыл потиз ке, соку мед сутиськод. Тьфу!»* (Когда из гусиного яйца-болтуна огонь появится, тогда пусть болит обожженное место. Тьфу!) (Napolskikh, 1997).

Один из способов отгона болезни и нечистой силы, воздействие которой приводило к болезненному состоянию, проявился в мотиве **отпугнуть болезнь**. Во время болезни удмурты колотили по стенам свежеструганной рябиновой палкой (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, д. 187, л. 142); лихорадку отпугивали стрельбой из ружья. Способностью отпугнуть болезнь обладает кукиш, который при появлении ячменя тычущими движениями подносят к воспаленному глазу (ПМА, 2008, д. Сеп Игринского района УР, КГЛ). Кукиш складывают и в охранительных целях: считается, что при встрече с колдуном этот жест отвращает напускаемую им порчу. Злых духов *пери* можно отпугнуть, продемонстрировав гениталии или голый зад (Шутова, Капитонов, Кириллова и др., 2009, с. 206). На вербальном уровне мотив отпугнуть болезнь выражен различного рода угрозами, ругательствами и непристойной бранью.

Следует отметить, что в большинстве случаев произнесение заговорных слов завершалось троекратным плевком, другими словами, реализацией мотива **отогнать болезнь с помощью плевков**. В зависимости от того, на кого направлен вектор действия – на болезнь / дух болезни или больного, – меняется и его семантика. Так, если плевков направлен на духа болезни, – акция символизирует принудительное удаление: *«Сийисез-юйисез сяласько: тьфу, тьфу, тьфу!»* (На того, кто ест-пьет (больного), плюю: тьфу, тьфу, тьфу!) (Munkácsi, 1952, с. 152-153). Если плевков обращен непосредственно на больного, то реализуется другая семантическая модель – «Апотропеизация», т.е. наделение больного свойствами, делающими его непривлекательным для духа болезни.

Мотив **отогнать болезнь с помощью закрещивания/перекрещивания**, с одной стороны, обладает семантикой отгона болезни, с другой – создания преграды. В лечебных обрядах закрещивание в первую очередь подразумевает отгон болезни, т.к. само болезненное состояние является уже результатом воздействия негативных сил. В обережных обрядах, напротив, на первый план выходит семантика преграды: возникает острая необходимость обезопасить охраняемый объект от потенциальной опасности. Семантика закрещивания восходит к универсальной символике креста (Левкиевская, 1999, с. 260). В мифопоэтических и религиозных системах крест представлен как древнейший знак сакрального характера, как символ огня, солнца и вечной жизни. В современном обществе он является символом христианской веры. В удмуртских лечебных обрядах *кирос понон/тырон* (закрещивание) совершается далеко не всегда по канонам Православной церкви. Ячмень закрещивают безымянным пальцем (ФДА УдГУ, Дряхлова Н. Ю. 1997/98, Можгинский район, д. Нижние Кватчи, с. 12-13) или кукишем (большой палец при этом просовывают между средним и безымянным пальцем) (ФДА УдГУ, Комарова Л. В. 2002/03, Завьяловский район, д. Верхний Женвай, с. 18-19). При лечении сглаза ножом закрещивают воду, которой затем сбрызгивают малыша (Николаева, 2011, с. 85). В случае

надсады или вывиха сначала перекрещивают иголкой и ножницами лавку, а затем само болезненное место (ФА УдГУ, ФЭ-1975, Можгинский район, д. Вуж Юбера, т. 5, л. 17).

Мотив **отогнать болезнь с помощью дыма/окуривания** встречается в обрядах, совершаемых в обережных и отгонных целях. Окуривание – универсальное ритуально-магическое действие. В удмуртской этномедицине с помощью обряда окуривания в основном лечили испуг, снимали сглаз и порчу. Болезнь изгонялась вместе с едким дымом окуриваемых предметов. В качестве основных атрибутов выступали объекты, обладающие высоким семиотическим статусом, – *сусыпу* (можжевельные ветки), *цук мынчо сылал* («четверговая соль»), ладан. Кроме этого, поджигали *чонари вотэс* (паутину), *гулбеч жаг* (мусор из подполья), *дуринчи кар* (осиное гнездо), а также *йырси/гон* (волосы/шерсть/пух) предполагаемого виновника болезни.

Одним из распространенных мотивов в лечебных обрядах является мотив **отогнать болезнь с помощью воды**. Так, при подозрении на сглаз, ребенка умывали чистой водой. Этот способ лечения ограничивался только акцией, не требовал вербального сопровождения. Символика данного действия определяется семантикой воды, которая обусловлена, во-первых, ее природными свойствами (свежестью, прозрачностью, способностью очищать, смывать) и, во-вторых, мифологическими представлениями о ее причастности к другому миру. Считается, что вода «смывает» болезнь, «уносит» ее с собой, отделяет ее от больного. «Сглаженного» ребенка сбрызгивают три раза чистой водой, приговаривая: *«Горд, тӧдвы, сьӧд кысьем муртӧслэн учкемзылӧсь синкылизӧс уллясько»* (Изгоняя урочащий взгляд рыжеволосых, белокурых, темноволосых людей) (ФА УдГУ, ФЭ-1991, Ярский район, тетр. 1, л. 21).

Предметы, обладающие сакральным или высоким семиотическим статусом, усиливают очищающие свойства воды. Руки и лицо ребенка обмывают водой, которой предварительно ополоснули икону и/или углы стола (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, д. 742, тетр. 6, л. 5). Сглаз и испуг смывают водой, которую в течение 12 дней держат в подполье (ФА УдГУ, ФЭ-1993, Кезский район, д. Гыя, тетр. 3, с. 39).

Последняя группа ритуальных действий воплощается в семантической модели «Апотропеизация» (придание больному свойств, делающих его неуязвимым перед болезнью). Она объединяет те действия, целью которых является придание объекту лечения особых свойств, делающих его неуязвимым. Вектор акции направлен не на болезнь, а на самого больного.

Эта модель в удмуртской традиции представлена двумя мотивами. Первый – **смоделировать ситуацию символического перерождения** – основывается на убеждении, что больной рождается заново, возвращается в новом, здоровом состоянии, статусе, оберегающем его от дальнейшего воздействия болезни. Младенца, больного «собачьей старостью», помещали в теплую печь (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, д. 199, л. 240). Если ребенок беспрестанно плачет, то на него надевают старую изношенную распашонку и протаскивают через расщепленную осиновую ветку, после чего его передевают в чистое белье (ФДА УдГУ, Злобина В. Н. 2002/03, Увинский район, д. Большой Жужгес, с. 16). Больного малыша также протаскивают через огромную баранку, которую выпекают специально для совершения лечебного обряда (ФДА УдГУ, Маркова Ф. В. 1992/93, Малопургинский район, д. Аксакшур, с. 12). В северных районах Удмуртии слабого, хилого, отстающего в развитии ребенка укладывают на сор, чтобы затем новые крестные родители «привнесли» его в этот мир в «новом» качестве – здоровым, крепким ребенком. Больного малыша «продавали» незнакомому человеку / соседу или тому, чьи дети отличаются отменным здоровьем.

Второй мотив данной модели – **смоделировать состояние неуязвимости больного**. Основным инструментом в достижении этой цели является слово. Так, знахарь читает заговор над водой, которой затем сбрызгивает больного и дает выпить. Считается, что магический/энергетический потенциал слова переходит на наговоренную воду или на любой объект, над которым произнесли лечебный заговор, вследствие чего свойство неуязвимости, закодированное в вербальной форме, передается самому больному. Умывание святой водой считается одним из верных способов защиты заболевшего от последующего негативного воздействия сглаза.

Предложенная классификация носит условный характер, т.к. одно и то же действие обладает широким спектром символических значений. Семантика каждой ритуальной акции зависит, к примеру, от ситуативного контекста, от того, на кого направлен вектор действия. Если объектом заговаривания является больной, то речь будет идти о семантике апотропеизации, если болезнь – о семантике отгона и уничтожения. Так, например, окуривание заболевшего может рассматриваться и как своеобразный способ отгона болезни едким дымом, и как способ его защиты посредством ритуального очищения; на больного плюют, чтобы сделать его непривлекательным для болезни, отвратить зло – болезнь, сглаз, порчу, но плевков в то же время – и один из самых распространенных способов изгнания болезни. Часто отгонная и апотропеическая роли акциональных компонентов в контексте лечебного обряда неразделимы.

Заключение

Таким образом, анализ акционального кода удмуртских лечебных обрядов в соответствии с релевантным способом достижения цели позволил выявить ряд основных семантических моделей удмуртских лечебных обрядов, которые условно можно поделить на три группы. Первая группа объединяет действия, в которых реализуется семантическая модель «Контакт», вторая – «Нейтрализация болезни», «Нанесение болезни ответного удара», «Отгон/изгнание болезни», «Уничтожение болезни», и третья – «Апотропеизация». Наибольшее распространение получили мотивы семантических моделей второй группы, что обусловлено тем, что в основе большинства удмуртских лечебных ритуалов заговаривания болезни лежит концепт борьбы двух противоположных сил, чаще всего представленных знахарем *пелляськись* с одной стороны и духом болезни /

потусторонними силами с другой. Стоит отметить, что деление на модели и мотивы способствует выявлению элементарных семантических единиц фольклорного текста, но не дает полную картину о его реальном построении: один и тот же лечебный обряд довольно часто представлен как комплекс взаимодополняющих друг друга мотивов, что способствует повышению сакрального уровня всего текста. Важно отметить и то, что значение ритуального действия самым тесным образом связано со всеми компонентами обряда: символы, принадлежащие к различным обрядовым парадигмам и соответственно имеющие отличный друг от друга план выражения, часто бывают синонимичными в плане содержания, повторяя одновременно один и тот же смысл разными способами.

Условные сокращения

ПМА – полевые материалы автора; ФЭ – фольклорная экспедиция.

Источники | References

1. Ильин М. И. Похороны и поминки вотяков д. Купченеево Белебеевского кантона, Башреспублики // Вотяки: сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926.
2. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981.
3. Левкиевская Е. Е. Закреплять // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д (Давать) - К (Крошки).
4. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002.
5. Миннихметова Т. Г. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2003.
6. Михеев И. С. Болезни и способы их лечения по верованиям и обычаям казанских вотяков // Вотяки: сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926.
7. Николаева М. И. Фольклорно-этнографические реалии жителей деревни Аксакшур Малопургинского района УР: выпускная квалификационная работа. Ижевск, 2011.
8. Панина Т. И. Оспа в традиционных представлениях удмуртов // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26).
9. Панина Т. И. Ритуальное задабривание болезни в контексте удмуртской этномедицины // Традиционная культура. 2013. № 1 (49).
10. Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН).
11. Стадник Ю. А. Кинетика заговорных лечебных ритуалов семейских Забайкалья // Живая старина. 2000. № 1.
12. Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996.
13. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2.
14. Фольклорно-диалектологический архив Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета (ФДА УдГУ).
15. Фольклорный архив Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета (ФА УдГУ).
16. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009.
17. Munkácsi V. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952.
18. Napolskikh V. Seven Votyak Charms // Folklore. 1997. Vol. 5.

Информация об авторах | Author information

RU

Панина Татьяна Игоревна¹, к. филол. н.

¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск

EN

Panina Tatiana Igorevna¹, PhD

¹ Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

¹ tipanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): удмуртская народная медицина; лечебный обряд; акциональный код; семантическая модель; семантический мотив; Udmurt folk medicine; healing rite; actional code; semantic model; semantic motif.